

Содержание

ИСТ-САЙД — ВЕСТ-САЙД.....	5
АМЕРИКАНСКИЕ КАНИКУЛЫ.....	22
PRESS-CLIPS.....	43
МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ.....	50
АМЕРИКАНСКИЙ РЕДАКТОР.....	70
ДВОЙНИК.....	77
THE WILD SIDE.....	90
ЭКСЦЕССЫ.....	119
ЮБИЛЕЙ ДЯДИ ИЗИ.....	152
ВЕСЕЛЫЙ И МОГУЧИЙ РУССКИЙ СЕКС.....	177
ВЕЛИКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА.....	195
COCA-COLA GENERATION AND UNEMPLOYED LEADER.....	217
СТУДЕНТ.....	239
ДЕТИ КОМЕНДАНТА.....	262
СЫН УБИЙЦЫ.....	276
ТОНТОН-МАКУТ.....	283
ПЕРВЫЙ ПАНК.....	299
МУТАНТ.....	316
САЛАТ НИСУАЗ.....	328
ПОЛИЦЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ.....	358

Ист-Сайд — Вест-Сайд

Тебе кажется, что ты живешь скучно, читатель? Сейчас ты поймешь, как близко ты находишься к войне, смерти и разрушению. И как ты бессилен.

Я — сексуальный маньяк. В первый же вечер по прибытии в Нью-Йорк я попал на парти, где среди ночи вдруг увидел по меньшей мере с полдюжины своих бывших подругек. Уже под утро я отправился с двумя из них на квартиру одной из них — Стеси. Живет Стеси на Вашингтонских высотах, рядом с Хадсон-Ривер и Вашингтона Джорджа мостом, во вполне приличном, частично населенном евреями районе. Улица Стеси 175-я — звучит очень отдаленно, но на такси это не более десяти долларов от центра Манхэттена.

Обе девочки — блондинки. В ту ночь мы все некоторое время повозились в постели, пытаюсь заняться любовью, но так как были пьяны и обкурены травой, через некоторое время успокоились и уснули. Утром другая моя бывшая девочка ушла, а я остался и провел со Стеси весь день.

За более чем год, прошедший с того времени, как мы расстались, Стеси изменилась к лучшему — стала куда более сексуальна. Может быть, это обстоятельство объясняется тем, что ей пришлось зарабатывать на жизнь постелью... У Стеси маленький сын пяти лет, и она завела себе несколько богатых любовников. Время от времени ей приходится любовников менять, в результате накапливается сексуальный опыт... Даже тело Стеси, внешне как будто бы оставшись тем же худым телом почти девочки-подростка, на самом деле изменило свою структуру — переродилось уже в мягкое, сластолюбивое, как бы подернутое нежным жирком тело бляди. Что и прельстило меня в ней в этот приезд.

Я жил эти две недели моих нью-йоркских каникул в доме, где когда-то служил хаускипером. Босс позволил мне у него остановиться, не было сказано, надолго ли, но секретарша и теперешний хаускипер позволили мне жить там до самого моего отъезда в Лос-Анджелес. И только существование Стеси и ее пизды заставило меня взять ключи от квартиры на Вашингтонских высотах, по совпадению, на одной улице со Стеси, когда мой друг, уехавший на отдых, предложил мне воспользоваться его квартирой.

Иной раз, правда, очень редко, между мужчиной и женщиной почему-то складываются отношения, очень похожие на отношения между мальчиком и девочкой. В нашем случае я и Стеси, в дополнение к постельным удовольствиям, вдруг стали наперебой поверять друг другу всевозможные тайны, сидя в глубине темных нью-йоркских баров, или в траве Централ-парка, или другого парка, названия которого я не знаю, но находившегося неподалеку от ее дома. Она любовалась мною, я любовался ею, мы целовались, я хватал ее за ноги и пипку под платьем, теребил ее желтую гривку волос, предлагал ей пойти в цветущие кусты и тасил ее, когда она смущенно отказывалась. Она рассказывала мне, смеясь, подробности своих сексуальных актов с бизнесменами, я рассказывал ей свои сексуальные истории. Иной раз она напивалась и капризничала, но еще год назад она напивалась и плакала, сейчас уже было лучше, был достигнут значительный прогресс.

Но я не собираюсь рассказывать историю мою и Стеси, посему вот вам только схематические черты наших отношений. Моя история — это Лимонов и Южный Бронкс. Это из-за Стеси в два часа ночи Лимонов в белом костюме, в белых сапогах, с пакетом, в котором лежала 21 тысяча французских франков в пятисотфранковых билетах, со всеми имеющимися у него документами, как американскими, так и французскими, с авиабилетами в Лос-Анджелес и из

Лос-Анджелеса в Париж оказался в как будто бы разрушенном атомным взрывом Южном Бронксе.

Франк неумолимо падал, потому я, надеясь, что он подымется, обменивал свои франки небольшими порциями. В тот день утром у меня в кармане было более ста долларов. Я встретил Стеси на углу 57-й улицы и Бродвея, она явилась в белом, как и я, костюме, тесная юбка подчеркивала ее круглую попку... приятно было иметь рядом с собой молодое тело на каблуках. На меня завистливо поглядывали неудачники этой жизни, их много и на Бродвее, и на 57-й, а я вел свою Мэрилин Монро сквозь толпу привычно и пренебрежительно, в конце концов, мне 37 лет и я имею на это право. Победоносный символ — благоухающая молодая пизда рядом со слегка утомленным Эдвардом — символ его победы над миром. Хорошо!

Мы выпили в пьяно-баре на Ист-Сайде, назывался он «Знак Голубя», достаточное количество напитков, помню, что счет был большой. Куча пижонов и бизнесменов, у каждого из них было в сотни и тысячи раз больше денег, чем у меня, я привез с собой весь свой капитал — эту 21 тысячу франков, уважительно смотрела, как я вывожу пьяную высокую Стеси, ее красивые ноги заплетались, по лицу блуждала пьяная улыбка. Их женщины были, безусловно, интеллигентнее Стеси, но куда хуже качеством. Стеси, следует вам сказать, ничего не понимала в искусстве или литературе, но зато у нее были зеленые туманные глаза, почти рыжие волосы, маленькие грудки, нежная попка — каждое полушарие в форме растянутой почти до самой талии буквы О — и молодость — ей было 23 года. Там, в баре, было несколько молодых женщин, но до зазорной вульгарности моей Мэрилин Монро им было далеко.

Она хорошо нагузилась алкоголем и уже начала действовать мне на нервы. Она хотела есть. Я тоже хотел. И собирался, спустившись на девять улиц ниже по той же 3-й авеню,

зайти в любимый мной «Пи Джей Кларкс» и сесть там под старыми часами, среди адвокатов, дантистов, бывших боксеров или бывших полицейских и демагогов, выдающих себя за литераторов или художников, среди всей этой симпатичной людской жижи, родной и знакомой, и пообедать. Но нет. Она хотела есть сейчас, а не через десять минут, которые бы потребовались нам, чтобы добраться до 56-й улицы. И она потащила меня в первый попавшийся отвратительно-дорогой и безвкусно-стеклянный итальянский ресторан, заполненный бессмысленной толпой официантов в таксидо, лишь несколько испуганных провинциалов сидели за столами. В этот момент я на несколько минут потерял над ней контроль и именно потому через пару часов очутился в Южном Бронксе.

Я вошел с ней в стеклянный ящик. Хотя я очень жесткий человек, в моих отношениях с женщинами я обычно не позволяю им садиться мне на голову, — я, помимо моей воли, вошел. Минутная слабость.

Она заказала все, что бросилось ей в глаза, половина еды потом осталась нетронутой. Ограничивать женщину я всегда считал унижительным, винить ее было глупо, красивая пизда напилась, «мы гуляли». Объяснять ей, что у меня осталось не так много долларов и что никто не станет мне обменивать французские франки здесь, в ресторане, мне не хотелось... К тому же в ее состоянии она вряд ли была способна понять состояние франка. В конце концов, ничего страшного не происходило, по моим подсчетам, американских денег мне хватало, да если бы и не хватало, итальянцы бы взяли остаток франками, — большое дело! Но болезненно гордому человеку, мне было противно просить их метрдотеля, извиняться... Я с отвращением подумал, что из чисто мужской зависти метрдотель или кто там еще... менеджер... обрадуется случаю чуть-чуть унижить меня — хозяина этой расцветшей пизды. Придется извиняться несколько раз.

Поэтому я неистово разозлился на пизду, в этот момент выпившуюся в бокал с итальянским вином, время от времени она меняла бокал на огромный стакан даблскотча, который заказала тотчас после того, как плюхнулась в плюшевый стул. Я пнул ее под столом ногой...

Денег мне хватило. Осталось даже. Три доллара. Но зол я был на нее невероятно. На истраченные деньги мне было положить, не подумайте, что я жаден. В конце концов, даже только в этот вечер я истратил на нее больше сотни долларов. Меня раздражало то, что пьяная воля этой пизды во цвете лет возобладала над моей волей. Я ненавижу, когда за меня решают, куда мне идти и что делать. Да. Как абсолютный эгоист и доминантная личность. В другой момент, не будь я так возмущен, я бы спокойно объяснил ей только что счастливо разрешившуюся ситуацию, я не стесняюсь говорить с женщинами о своих финансовых проблемах. Я горжусь тем, что я писатель, всякий день борющийся за свое существование. Но я был очень зол, и когда она, выйдя из ресторана, бросилась на середину улицы с протянутой рукой, остановила такси, я с ней ехать отказался. И уж совсем не из-за того, что трех долларов было явно недостаточно, чтобы доехать до ее, у черта на рогах, на Вашингтонских высотах находящейся постели. Нет. У нее были деньги, очередной бизнесмен оплачивал ее жизнь, на ночном столике валялись стодолларовые бумажки и купюры помельче, я видел, но волна злобы к блондинистой пизде, вовсе не желающей думать обо мне и моих проблемах, захлестнула мне глаза. Я простился с ней коротко и резко на углу Лексингтон и 64-й улицы и ушел.

«Сука! — ругался я вслух. — Тунеядка ебаная!» Я, борющийся с нуждой писатель, должен платить за набитие ее желудка теплым месивом еды. Какого хуя? А почему не она? Она пиздой зарабатывает куда больше, чем я с помощью пишущей машинки. И, наверное, это не всегда ей

неприятно. Она сама рассказывала мне, что ее теперешний содержатель-бизнесмен, хотя и простоватый мужик, но относится к ней нежно, заботится о ней, ему 55 лет, и он крепкий и стройный. Почему она меня не спросила, эта блядь, достаточно ли у меня денег? Я бы отказался от ее денег, я люблю платить и плачу всегда, но она хотя бы спросила, проявила заботу. Почему я должен унижать себя устными подсчетами вместо того, чтобы наслаждаться, как это делала она, моим филе?

Я, уже было свернув на Ист, в сторону браунстоуна* моего бывшего босса, вдруг подумал, что поеду сейчас туда, к ней, и если вдруг у нее кто-нибудь есть, а у нее, наверное, кто-нибудь есть в постели, я... Тут воображение мое нарисовало мне сцену дикого разгрома, страшной драки, убийства, может быть, а закончилось все это видением меня, ебущего эту непослушную блядь, неудобно распиная ее на ее удобной кровати. И я, отворотив свое лицо от Иста, спешно направился на Вест — на 59-ю улицу и Коламбус-Сёркл, чтобы сесть там в поезд, идущий к ней. Удовлетворить свои страсти.

Это был первый и последний раз, когда я ехал на ее Вашингтонские высоты в сабвее. На станции было, конечно, душно, грязно, противно и мрачно. Было полно шпаны, в основном черной, и других отребьев человечества, как то: психически больных, просто злых и бедных людей, какое-то количество незлых, но уродливых людей, множество индивидуумов плохо и глупо одетых, — и в результате мне, только что явившемуся из Европы и отвыкшему за год от этого вполне типичного нью-йоркского зловещего маскарада, казалось все время, что меня окружает банда монстров. Толпа монстров.

Было уже второй час ночи, и только вдохновенная злость, смешанная с похотью, да ключи от квартиры уехавшего

* Brownstone — здание из красного кирпича, особняк (англ.).

друга в кармане заставляли меня стоять в зловонной пещере сабвея и ждать поезда. Наконец, во втором часу ночи появился с годзилловым* шумом поезд. Я, выпив за вечер не то 11, не то 12 бокалов «Блади-Мэри» и несколько бутылок вина и, может быть, еще чего-то в промежутках, не помню, был, как вы понимаете, в несколько экзальтированном состоянии. Пьян я не был, но мыслил неряшливо, руководствовался скорее чувствами, чем рассудком.

Вышел я из поезда-экспресса минут через 35, на... да, на 175-й улице. Но, выйдя из зассанного подземного вестибюля станции на улицы, я не узнал места, где нахожусь. Дом моей подруги был недалеко от станции сабвея, и хотя, как я уже говорил, я никогда не ездил к ней в сабвее, окрестности я более или менее знал. Передо мной были не те окрестности. Не тот пейзаж, не те дома, не те линии крыш, все совсем не то. Куда темнее и хуже.

Я поднял голову и посмотрел на табличку с наименованием улицы. «Ист 175-я» — значилось на ней. «Ага, — подумал я. — Ист 175-я. Мне же нужен самый Вест 175-я. Раз у самой Хадсон-Ривер и Вашингтонского моста живет Стеси, следовательно, это Вест 175-я...» И я, перейдя какую-то большую и темную авеню, отправился в ту сторону, где, по моим расчетам, я должен был через некоторое время найти Вест 175-ю.

Я прожил в свое время в Нью-Йорке пять с половиной лет. Я думал, я знаю все об этом городе, я исходил его пешком весь вдоль и поперек. Во всяком случае, мне думалось, что весь. Но я заблудился.

На следующий день, когда я посмотрел на карту Большого Нью-Йорка, я увидел, насколько я был глуп и самонадеян. Ист и Вест на уровне 175-й улицы разделяют мили.

* Годзилла — ящер-чудовище, персонаж японских комиксов. Дружественный людям ящер Годзилла спасает человечество от злых ящеров.

И теперь я уже знал, что это мили разрушенных кварталов. Мили брошенных, необитаемых или едва обитаемых, с выбитыми стеклами, сожженных домов. Сталинград 1943 года, оказывается, был впереди. И я, ничего не подозревающий, бодрой походкой сильного человека, бывший когда-то давно вор и грабитель, а ныне писатель, крепкий мужик в белом пиджаке, с пакетом денег и документов, углубился в военную зону.

Можно быть как угодно tough — быть крутым мужиком и иметь криминальное прошлое, но оказаться в белом костюме и белых сапогах там, где я вышел из сабвея, а через час и в Южном Бронксе, куда я пришел, заблудившись, не входило в мои планы. Даже и с револьвером в таком месте, я думаю, невозможно чувствовать себя в безопасности. Какой револьвер, когда тебя просто забросают кирпичами! С утра до встречи со Стеси я успел съездить в Иммигрэйшен Сервис в даунтауне*, потому у меня и оказались с собой все документы. Французские же деньги я просто забыл утром вынуть в спешке из пакета, разумеется, проспав и опаздывая в Иммигрэйшен.

Горелый, вонючий ветер задирает полу моего пиджака. Было не темно, ночь была лунная, но было мрачно, совсем безлюдно, лишь изредка сильный ветер вдруг вышвыривал из-за угла растрепанную газету, или даже банку из-под кока-колы, или выкатывал бутылку. Я уверенно пиздовал по, как мне тогда еще казалось, 175-й улице на Вест. Внезапно улица оборвалась и вкатилась в другую, которая подымалась куда-то во тьму, вверх и налево и, увы, не имела номера, но имела название. Я решил и пошел по этой улице, а надо было бы мне вернуться обратно к сабвею и уехать подобру-поздорову. Мы часто не знаем значения наших поступков,

* Down-town — нижний город. Деловая часть города в американских городах (англ.).

пока не увидим последствий. Я сделал выбор. Приближались последствия.

Через полчаса мне все стало ясно. Населенные места во все кончились, и теперь я шел неизвестно куда, вдоль домов-развалин, из дыр которых зловонными потоками вылились на тротуар груды битого кирпича, горелой мебели, мусора и неопределенных кусков чего-то, подозрительно похожих на расчлененные трупы. Под каблуками моих белых эстетских, оскар-уайльдовских сапог непрерывно хрустело стекло. Тряпки, банки, бутылки, кости животных... «А может, и человека...» — с удивившим меня самого черным юмором подумал я. Море разлитое мусора оставляло только небольшую часть тротуара свободной для пешеходов. Впрочем, пешеходов не было. Может, это их кости белели в мусоре.

Откуда-то из развалин я порой слышал звуки музыки... Несколько раз и шумы больших человеческих сборищ и ссор донесли до меня изнутри необитаемых с виду коробок... Хохот... Пару раз я видел пылающие в развалинах костры... Но по-настоящему я испугался в первый раз, когда увидел темную фигуру человека.

Впрочем, я тут же с облегчением вздохнул, тень была сторбленной, человек опирался на палку, он был стар. Старик, как это ни странно выглядело, выгуливал собаку во впадине, заваленной песком и мусором, кое-где поросшей темной и жесткой травой пустырей. Впадина напоминала воронку, образовавшуюся от взрыва огромной бомбы, или же котлован, вырытый для постройки дома очень-очень давно, да так и забытый котлован. Старик-тень увидел меня раньше собаки, он повернулся и уставился на меня, а уж потом без энтузиазма два раза тявкнула его псина. Я даже не видел лица старика, но, конечно, он смотрел на меня — привидение в белом. Я подумал, что сейчас он позовет на помощь других стариков или, того хуже, нестариков, и они со мной расправятся.

И тут я совершил то, чего уж никак от себя не ожидал. Я положил свой пакет на грудку кирпичей, повернулся в сторону старика, расстегнул штаны, вынул член и стал не спеша писать. Длительно и церемонно я орошал пустырь этой рукой человека созданной пустыни на глазах у одного из ее бедуинов.

Теперь мне понятно, что я поступил тогда гениально просто, по-собачьи инстинктивно. С одной стороны, старику стало ясно, что я не боюсь его и кого бы то ни было вокруг, раз так спокойно писаю. Кроме того, сам акт мочеиспускания был актом дружелюбным, мирным, я как бы завилял хвостом в сторону старика.

Пописав, я застегнулся, взял пакет и пошел своей дорогой не торопясь. Я размышлял. Дела мои были хуевые, я находился в самом опасном месте Большого Нью-Йорка и был в своих белых тряпках совершенно беззащитен. Нужно было выработать манеру поведения. «Если ты, Эдвард, будешь торопливо метаться по пустым черным улицам, кто-нибудь обязательно тебя увидит, поймет по твоей испуганной торопливости, что ты чужой, и или убьет тебя, или ограбит догола, или кто знает, что сделает. Отрежет тебе руку, или ногу, или член. Что в голову придет аборигенам этой каменной страны, недоступной и воображению маркиза де Сада, то они с тобой и смогут сделать, после несложной, но приятно возбуждающей несколькоминутной охоты на тебя».

Как бывалый и практичный солдат, я пришел к выводу, что самое разумное, что я могу сделать, — это идти не торопясь, делая вид, что я здесь по делу. Откуда «им» на хуй знать, может быть, я гуляющий здесь для своего удовольствия извращенец-мафиози, а машина ждет меня за углом. А может... ничто другое в голову не приходило, посему я остановился на образе мафиози, приехавшего сюда совершить обмен двадцати килограммов героина на

соответствующее количество миллионов долларов в старых мелких банкнотах.

Все это было смехотворно, но я себя таким образом успокоил. Если не на 100, то хотя бы на 50 процентов. И когда я еще несколько раз встретил в руинах двуногого зверя-человека, я справился со встречами молодцом. Я шел такой развязной походкой, помахивая своим пакетом, кокетливо даже (тут я вспомнил, что меня много раз до этого в Нью-Йорке принимали за итальянца) и с таким видом ступал по битому стеклу, будто знал тут всякий камень и собирался через мгновение нырнуть в следующий темный провал в стене обгорелого здания, а уж там меня ждали мои до зубов вооруженные ребята. Тени аборигенов прошли, даже не окликнув мой белый пиджак. Может быть, они, да, думали, что я мафиози, а может, марсианин, а может, мэр Кач*.

Основной проблемой, после того как я достиг нужного спокойствия и по системе Станиславского убедил себя, что я и есть мафиози Лимонов, «каппо ди тутти» всех других мафиози, было понять, в каком же направлении идти. Остативаться было нельзя, из сотен обгорелых, без стекол окон за мной могли наблюдать. Потому я шел не спеша, стараясь придать своему движению подобие порядка, хотя бы стараясь идти приблизительно в одну сторону. Один раз, когда дома вдруг оборвались, передо мной появился дряхлый каменный мост, туго затянутый в никем не используемые одеяла тоннелей, и я прыгнул, без страха и упрека рыцарь Лимонов, в это каменное и металлическое месиво. Мне показалось, что я понимаю, где я нахожусь, что передо мной «Через Бронкс» экспрессвей.

Может быть, это он и был, но, перебравшись на другую сторону, я нашел то же самое — мрачную перспективу уходящих вдаль разрушенных каменных коробок, и я пошел по

* Мэр Нью-Йорка Эдвард Кач.

самой широкой из каменных клоак, надеясь, что она меня куда-то выведет. К живым районам. Мне казалось, что я, да, приближаюсь к Весту... В то же время я шел по каменной пустыне и чувствовал себя солдатом, бегущим в атаку по открытому полю. Не за что было спрятаться. На удачу бегущего. Убьют... не убьют? Я физически как бы видел со стороны мой виляющий по проспекту Дьявола белый пиджак, свою белую уязвимую спину.

Впрочем, я не совсем справедлив к этому незабываемому ландшафту. Должен отметить, что несколько раз мне попадались дома, показавшиеся мне если не полностью, то хотя бы частично обитаемыми. У одного из таких домов я даже высмотрел несколько подозрительно ухоженных невысоких деревьев. Но одинокий путник предпочел не стучать в немногие целые стекла этих жилищ, догадываясь, что едва ли лучшие люди каменных джунглей, живя здесь, могут сохранить в целостности свои стекла. Скорее, самые отважные могут сохранить. А их-то, отважных, я и боялся.

Вдруг сзади заурчал мотор. Я повернулся и увидел ползущий по другой стороне улицы полицейский автомобиль. На меня вдруг пахнуло от автомобиля маем, а ведь был май, маем и жизнью. Я подумал с наслаждением о путешествии в Грецию, которое я еще смогу, пожалуй, совершить, если подыметесь вдруг франк. И я побежал через дорогу к полицейскому автомобилю, приветственно махая руками...

Хуя... Они не только не остановились, они нажали на педаль газа. Понимая, что это, может быть, единственно возможный корабль, проплывающий мимо меня, потерпевшего кораблекрушение, я понял, что терять мне больше нечего, и заорал: «Полис! Полис!», но только мигнули огоньки на повороте.

Тогда я не стал размышлять о причинах, побудивших блюстителей порядка не остановиться на призывный крик человека в белом костюме в четыре часа утра на улице

Южного Бронкса. Может, они поняли, что я не мафиози, и прониклись любопытством: «А вот интересно, пришьют аборигены этого интеллигента, одетого как фэгот*, или доживет до утра?» Экспериментировали ребята, дабы выяснить степень криминальности своего района еще раз. Возможно также, что полицейские вместе со мной решили, что я мафиози, и уехали поспешно, опасаясь подвоха, скажем, того, что я вдруг швырну в них гранату... Тогда мне было не до причины. Все эти гипотезы пришли мне в голову уже на следующий день.

Автомобиль полиции еще укатывался за угол, а я уже обладал идеей спасения. Я решил найти телефон и вызвать такси. Я почти понимал всю нереальность моей идеи, но я хотел жить. Поэтому я быстро поверил и в телефон, и в такси. И уже стал размышлять над тем, сколько же мне нужно будет заплатить шоферу французскими франками... В три раза больше? Все знают, что франк падает, к тому же шоферу придется истратить некоторое время на процесс обмена франков на доллары, я это учитывал. Но человек — ужасное животное. Даже в минуты опасности я не поднялся в своей щедрости выше, чем «в три раза больше».

Все на той же графической планерной перспективе, будто расчерченной рукою де Кирико, но необычно мрачного де Кирико, я попытался найти телефон. Увы, даже в нормальных районах Манхэттена иной раз нелегко найти работающий аппарат, здесь же счастье, естественно, не улыбалось мне очень долго. Полчаса уже шагал очарованный странник в белых сапогах, поскрипывая битым стеклом, как вдруг... БАР, работающий бар. Протер глаза... нет, не мираж — бар среди развалин.

На свои три доллара странник мог бы получить хорошую порцию скотча, а то и две, это же был не бар на Пятой

* Гомосексуалист.

авеню, но странник не зашел в бар, он обошел его, как очаг чумы, и все потому только, что был неподобающе одет — белым ангелом, в то время как аборигены придерживались совершенно другой моды. Обойдя бар, странник заметил приютившийся у края тротуара телефон на металлической ноге. И он, о чудо, работал. От трубки воняло блевотиной, диск поворачивался с трудом, но установилась связь с миром. «Доброе утро! — сказал оператор. — Как я могу помочь вам?»

Я совершил три телефонных звонка — три подвига, все время ожидая, что не доживу до следующего, что кто-нибудь, вынырнув из развалин, прирежет меня тут же. Без слов. Без объяснений. Я знал, что эти люди имеют неудобную для странников привычку убивать и за три доллара.

Поприветствовав меня, оператор сообщил мне сразу же два номера, по которым я мог связаться с радиотакси. Я набрал один из номеров, и энергичный хриплый голос, также поздравив меня с добрым утром, сказал, что, конечно, они меня повезут. «Но куда?» — спросил он. Я сказал, что на самый Ист-Сайд 57-й улицы должны они меня отвезти. Я не хотел уже ехать на Вашингтонские высоты, пропади они, бя, пропадом. Даже их спокойное еврейское население уже не устраивало меня, я хотел после этой вынужденной зловещей Хэллоуин-парти* с двух до пяти утра плюхнуться в атмосферу таунхауза, принадлежащего миллионеру, в чистое, красивое здание, в белую апперклассовую постель нырнуть, в отведенную мне на четвертом этаже гостевую комнату хотел я.

Когда голос спросил меня, откуда я еду, я ответил ему, что нахожусь на улице и что пусть он подождет минуту, я посмотрю, на углу каких улиц я стою. Я оставил трубку висеть

* В день поминовения мертвых устраиваются маскарадные шествия, где маски смерти и чудовищ преобладают.

на шнуре, отошел, посмотрел и моментально сообразил, что никакое такси сюда, на фронт, не поедет. Нет. Но я, конечно, вернулся и безвольно сообщил голосу, что я стою на пересечении 146-й улицы и Уайт-стрит, а совсем недалеко проходит Джером-авеню. Только в этот момент, произнося названия улиц вслух, я полностью сообразил, что нахожусь в самом сердце Южного Бронкса, что хуже не бывает.

Хриплый голос едва заметно запнулся, но профессионально-привычно совладал с собой и сказал, что такси прибудет через десять минут. С таким же успехом он мог просто послать меня на хуй. Когда я вешал трубку, я знал, что не будет такси и через час. Никогда не будет. Но я все-таки подождал еще полчаса, осторожно войдя в развалины. Присел там на свой пакет, так сел, чтобы было видно улицу, а меня с улицы не видно, и подождал.

Через полчаса я совершил еще один звонок. Хотя и через силу, но я заставил себя позвонить зеленоглазой бляди Стеси.

— Да... — медленно выдохнул сонный голос, было слышно, как она там зашевелилась.

— Это я, — сказал я.

— Ты где? — спросила она лениво.

— На углу 146-й и Уайт-стрит, — сказал я. — Я заблудился.

— Хочешь, приезжай... — зевнула она словами и еще раз там опять повернулась. Она любит спать, закутавшись в простыню и одеяло, но чтоб овальной формы красивейшая ее жопа торчала наружу.

Я бросил трубку и пошел, постукивая каблуками по уже обыкновенному мрачному ландшафту современных готических романов, куда глаза глядят. Позвонив ей, я хотел попросить ее взять такси и приехать подобрать меня на угол 146-й, но мне стало вдруг необыкновенно противно... Противно от ее блядской сытости, от ее сонного голоса, даже

от того, что она продает свое тело, хотя раньше мне это обстоятельство даже нравилось и, уж во всяком случае, меня возбуждало. Раньше в наших любовных играх, когда я, подминая ее под себя, ебал ее, якобы беспомощную, я воображал, что я ее использую. Грубо и жестоко использую для удовлетворения своего сексуального аппетита. Своей похоти. Теперь же я увидел, что это она меня использовала и при этом, очевидно, даже всерьез меня не принимала... Это я ее обслуживал... Сука!..

Может быть, от злости, но мне вдруг повезло — я вышел к сабвею. Поднявшись по ржавой лестнице на эстакаду, вошел в станцию, похожую на огромный сарай. Даже, впрочем, уже не обрадовавшись, что нашел сабвей.

Почти белый человек испанского типа чинил, разобрал его до винтиков, турникет. Я спросил человека, как мне добраться до 57-й улицы и Ист-Сайда.

— А как ты попал сюда, мэн? — спросил человек удивленно, оторвавшись от своих отверток и гаечных ключей и оглядывая меня — белого ангела.

Я объяснил ему, что сел не на тот поезд. Хотел попасть на Вашингтонские высоты, а попал... в общем, поведал ему свою историю в нескольких словах.

— И ты пришел пешком от 175-й Иста — сюда?.. — воскликнул человек. — И тебя не ограбили?.. И остался жив... Lucky man, — добавил он с уважением к моей удачливости.

Сменив несколько поездов, уже к рассвету я наконец, обессиленный, ввалился в миллионерский особняк, открыв дверь выданным мне ключом. Я направился прямоком в кухню, достал из бара бутылку «Джей энд Би», стакан и поднялся на второй этаж в ТВ-комнату. Там я поставил в видеомашину первую попавшуюся кассету и стал смотреть «Желтую подлодку» «Битлзов», оказавшуюся на кассете.

Долго я, впрочем, не выдержал этот сироп на экране. Слишком большая порция любви, источаемая «Желтой

подлодкой», вдруг сделала для меня фильм необыкновенно противным, и я со злобой выключил ТВ. «Love! Love!» — передразнил я. «Хорошо, обладая миллионами, пиздеть о любви, отгородившись от этого мира любовью — десятью процентами из прибыли, отдаваемыми на благотворительные цели... Love... Ни жители Южного Бронкса, ни даже я с моей 21 тысячей франков не можем себе ее, Love, позволить. Ебал я вашу любовь, ебанные ханжи, “Битлз!”» И я, допив бутылку, уснул в кресле.

Американские каникулы

Очевидно, прожить жизнь так, чтобы никого не обидеть, невозможно. Я обидел в свое время немало людей. Я уже обидел несколько прототипов, личностей, послуживших мне прототипами для героев моих книг, они уверены, что они на самом деле совсем не такие, какими я «их» изобразил. Одни обещают меня убить, другие — подать на меня в суд. Прототипы помягче грозятся просто избить писателя.

Еще я обидел множество женщин. Одна женщина очень обидела меня в этой жизни, и несколько обидели меня не серьезно. Зато я обидел целый батальон женщин. И наверное, придется обидеть еще столько же.

Сегодня я получил письмо из маленького городка в Калифорнии — сухой ответ на мою новогоднюю открытку. Среди десятка аккуратных, но злых строчек были и следующие: «Катрин сообщила мне, что ты не писал, потому что не хотел давать мне “ложных надежд”. Не беспокойся, у меня нет никаких надежд по отношению к тебе, и я, представь себе, очень-очень счастлива в эти дни, счастливее, чем в целые годы».

«Эй-эй, легче, пожалуйста, — подумал я. — Легче. Что я тебе сделал? Обокрал? Ну счастлива, я рад. Я вот, к сожалению, все еще несчастлив».

Я попал в небольшой приморский городок в Калифорнии случайно. Так же случайно я уже попадал в него до этого два раза — в 1978 году на несколько часов только и в 1980 году я переночевал в этом городке две ночи. Может быть, все запрограммировано «у них» там где-то в самом большом компьютере, вместе с конструкциями слона, кита, с генетическим моим кодом вместе запрограммирована и моя судьба, и где и кого мне следует встретить, и в какой городок или столицу приехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru